

СТРУКТУРА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОСТОЯНИЯ СЧАСТЬЯ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУР

С. Ю. Жданова¹, А. В. Печеркина²

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь (Россия).*

E-mail: ¹svetlanaur@gmail.com; ²pecherkina.a@gmail.com

А. А. Строканов

Линдонский государственный колледж, Линдонвилль (США).

E-mail: alexandre.strokanov@lsc.usc.edu

Аннотация. *Введение.* Психологическое состояние обучающихся оказывает непосредственное влияние на их способность и готовность справляться с трудностями обучения, во многом обуславливает успешность образовательного процесса и его результативность. В связи с этим актуализируется поиск методов и определение целей психологической диагностики, без данных которой проблематично осуществлять педагогическое сопровождение. Кроме прочего, на фоне увеличивающихся темпов и масштабов международной и межэтнической мобильности педагогу следует учитывать в своей деятельности менталитет и ценностные установки представителей различных культур, в том числе их понимание счастья и личного благополучия.

Современные психологические исследования обнаруживают значимые различия в показателях счастья и удовлетворенности жизнью у представителей различных культур. Однако диагностический инструментарий, применяемый в таких исследованиях, строится преимущественно на модели, сложившейся в американской психологии. В связи с этим встает вопрос о том, в какой степени образ счастья соотносится в российской и американской культурах.

Цели работы, описанной в статье, заключаются в изучении репрезентации состояния счастья у американских и российских студентов и в определении инвариантных и вариативных составляющих в структуре репрезентации.

Методология и методики исследования. На первом этапе работы осуществлялся теоретический анализ и разработка онтологии предметной области «Психология счастья». Далее было проведено эмпирическое исследование репрезентаций у американских и российских студентов. Основным методом

сбора данных являлось нарративное интервью, для получения нарратива о счастье использовался метод ранних воспоминаний личности. Последующая обработка вербальных характеристик производилась с применением сегментарного контент-анализа, невербальных компонентов репрезентации – с помощью методики анализа жестовых единиц К. Мюллер. Для статистического анализа данных были использованы коэффициент ϕ – углового преобразования Фишера, коэффициент корреляции ϕ и кластерный анализ.

Результаты и научная новизна. Было выделено три мультимодальных кластера, в структуру которых вошли вербальные и невербальные характеристики устного нарратива о счастье, индивидуальные характеристики (пол, возраст), свойства личности (экстраверсия – интроверсия), учитывались также особенности профессионального обучения (курс и специальность). Установлено, что данные кластеры инвариантны и проявляются в репрезентации состояния счастья вне зависимости от принадлежности к культуре. Вариативность в устном нарративе о счастье выражается в частоте обращения к категориям, составляющим кластеры, а также в некоторых изменениях в структуре кластеров в связи с возрастом. В частности, российские студенты чаще обращались к категориям, описывающим ценности семьи и семейного благополучия, и чаще использовали невербальные единицы, демонстрирующие стремление к удержанию эмоционального состояния. Американские студенты в большей степени были склонны к выбору вербальных единиц, связанных с достижениями в деятельности, и невербальных категорий (периферийных жестов), указывающих на важность отношений с другими людьми. Вербальные и невербальные единицы, отражающие взаимодействие с социальным контекстом, в одинаковой степени были представлены в выборках российских и американских респондентов.

Практическая значимость. Материалы публикации могут быть учтены при выборе методов психолого-педагогического сопровождения обучающихся; при разработке программ тренингов, нацеленных на повышение у студентов университетов и колледжей уровня субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью. Результаты исследования также могут стать основой для практических рекомендаций по повышению эффективности межкультурной коммуникации и безопасности межличностного взаимодействия, а опыт применения методики анализа жестовых единиц может быть полезен при создании автоматизированной системы анализа эмоционального состояния личности на основе видеофрагментов.

Ключевые слова: позитивная психология, репрезентация, счастье, субъективное благополучие, нарратив, невербальное поведение

Для цитирования: Жданова С. Ю., Печеркина А. В., Строканов А. А. Структура репрезентации состояния счастья у представителей российской и американской культур // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 7. С. 77–96. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-7-77-96

THE STRUCTURE OF HAPPINESS REPRESENTATION FOR RUSSIAN AND AMERICAN REPRESENTATIVES

S. Yu. Zhdanova¹, A. V. Pecherkina²

*Perm State National Research University, Perm (Russia).
E-mail: ¹svetlanaur@gmail.com; ²pecherkina.a@gmail.com*

A. A. Strokanov

*Lyndon State College, Lyndonville (USA).
E-mail: Alexandre.strokanov@lsc.vsc.edu*

Abstract. *Introduction.* Emotional state of students exerts direct impact on their ability and readiness to cope with challenges when studying, gives rise to the success of educational process and its effectiveness. In this regard, the search of methods and determination of the tasks of psychological diagnostics is brought into focus. Above all, the teacher should consider mentality and valuable attitudes of representatives of various cultures, including their understanding of happiness and personal well-being in the activity against the background of the increasing scales of the international and interethnic mobility.

The development of Russian psychology has recently acquired the direction of positive psychology, the focus of which is happiness and positive functioning of the individual. Modern research reveals significant differences in the indicators of happiness and satisfaction with life between representatives of different cultures. However, the diagnostic tools used in such studies are based primarily on the model of happiness image that has been developed in American psychology. In this connection, the question arises as to what extent the image of happiness in American culture correlates with the image of happiness in Russian culture.

The aim of this work is to study the representation of happiness between representatives of American and Russian culture, the definition of invariable and variable components in the structure of representation.

Methodology and research methods. The study included several stages. At the first stage, the theoretical analysis and development of the ontology of the subject area "Psychology of Happiness" was carried out. At the second stage, an empirical study of the representations of American and Russian respondents was carried out. The main method of data collection was a narrative interview; a method of early personal memories was used to obtain the narrative of happiness. Subsequent processing of verbal characteristics was carried out using segmental content analysis. The K. Muller's technique of sign analyzing was used for non-verbal characteristics. Statistical analysis of the data was based on the use of the coefficient of φ -angular Fisher transform, correlation coefficient φ , and cluster analysis.

Results and scientific novelty. Three multimodal clusters were selected, the structure of each included verbal and non-verbal characteristics of the oral narrative of happiness, individual characteristics (gender, age), and personality traits (extraversion-introversion). It is shown that these clusters are invariant and are manifested in the representation of the state of happiness, regardless of belonging to culture. The variability in the oral narrative of happiness is manifested in the differences in the frequency of access to the categories represented in the clusters identified, as well as in minor changes in the structure of clusters due to age. In particular, the Russian students more often appealed to the categories describing values of family and family well-being, as well as they used the non-verbal units showing aspiration to deduction of emotional state. The American students were more inclined to the choice of the verbal units connected with achievements in activity, and non-verbal categories (peripheral gestures) indicating importance of the relations with other people. The verbal and non-verbal units, reflecting interaction with a social context, have been equally presented in the sample of the Russian and American respondents' representations.

Practical significance. The materials of the present publication can be taken into account when choosing methods of work in the framework of positive psychotherapy, as well as in developing training programs aimed at raising the level of subjective well-being, happiness and satisfaction with life. The obtained results are the basis for the development of practical recommendations for improving the effectiveness of intercultural communication, the security of interpersonal interaction. The experience of using the method of analyzing the sign units can be the basis for developing an automated system for analyzing the emotional state of an individual based on video fragments.

Keywords: positive psychology, representation, happiness, subjective well-being, narrative, non-verbal behavior

For citation: Zhdanova S. Yu., Pecherkina A. V., Strokanov A. A. The structure of happiness representation for Russian and American representatives. *The Education and Science Journal*. 2017; 7 (19): 77-96. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-7-77-96

Введение

Для сферы образования крайне важной проблемой является обеспечение благоприятного психологического климата в той среде и на том пространстве, где происходят коммуникации педагога и учащегося и осуществляется процесс познания. Психологическое состояние обучающихся оказывает непосредственное влияние на их способность и готовность справляться с трудностями обучения, во многом обуславливает успешность образовательного процесса и его результативность. Кроме прочего, на фоне активизировавшейся и продолжающей наращивать темпы меж-

дународной и межэтнической мобильности населения педагогу следует учитывать в своей деятельности менталитет и ценностные установки представителей различных культур, в том числе их представления о том, что значит счастье и личное благополучие.

В современной психологической науке сегодня можно наблюдать «сдвиг» исследовательской парадигмы от «психологии болезни» к «психологии здоровья». До недавнего времени преобладающим в исследованиях был подход, объектом внимания которого являлась психическая дисфункция. Как отмечает в своих работах Д. Майерс, аналитический обзор психологических публикаций за период с 1887 по 1999 г. показывает, что исследований, посвященных изучению отрицательных эмоций, было предпринято в 14 раз больше, чем тех, в которых были отражены позитивные аспекты функционирования личности. Психологическая наука была в большей степени обращена к проблемным психическим состояниям, сосредоточившись на изучении того, каким образом можно избавить личность от негативных переживаний и как можно «вылечить» психические отклонения [1].

В начале 2000 гг. психологи подвергли пересмотру подходы к оптимальному функционированию личности. В связи с особой значимостью профилактической работы по снижению уровня психических расстройств пришло понимание необходимости укрепления психологической силы, продуктивной направленности личности. Направление позитивной психологии, основы которой были заложены М. Селигманом, М. Чиксентмихайи и Д. Майерсом, становится все более актуальным среди исследователей. Своей целью позитивная психология ставит построение позитивных качеств личности [2, 3].

Вопреки распространенному мнению, позитивная психология не противопоставляет себя другим направлениям исследовательской деятельности, а рассматривает позитивное функционирование личности как некоторый континуум, включающий в себя разные по окрашенности эмоциональные переживания и состояния. Особому анализу подвергается понятие «счастье», которое в ранних работах позитивных психологов определяется как состояние преобладания позитивного настроения и позитивного взгляда в будущее. Сегодня состояние счастья преимущественно ассоциируется с обыденными представлениями и часто заменяется понятием «благополучие». Так, американские авторы (М. Селигман, Д. Майерс) предлагают определять счастье как субъективное благополучие, поскольку для каждой личности оно (счастье) связано с индивидуальным опытом эмоций, ощущений и образных представлений. Однако отказ от обращения к понятию «счастье» не означает прекращения исследований данного феномена.

Американская традиция, положенная в основу позитивной психологии, получила широкое распространение и развитие в других культурах, в частности в отечественной психологии. Однако опирающиеся на данную концепцию современные психологические исследования обнаруживают значимые различия в среднестатистических показателях счастья и удовлетворенности жизнью у представителей различных стран, схожих по своему экономическому и политическому устройству [4]. Можно предположить, что существуют сформированные культурой разные способы мышления, которые опосредуют различия в понимании того, что представляет собой концепт счастья.

Проблемным в описываемой ситуации является вопрос о валидности исследований, в которых сопоставляются уровни счастья и субъективного благополучия у представителей разных стран, поскольку понимание и значение данных концептов может существенно варьироваться в зависимости от культурной принадлежности. Таким образом, конструкт, разработанный психологами США на основе представлений о счастье, сформированных в американской культуре, может существенно отличаться от такового в российской психологии, построение которого связано с особенностями российских реалий. Поэтому закономерным является вопрос о возможности сопоставления разных культур и стран по уровню счастья и благополучия, а также о возможности разработки единого подхода к пониманию феномена счастья.

В связи с этим актуальным представляется изучение феноменологии рассматриваемого состояния, а также репрезентации обозначающего его понятия представителями различных культур. Теоретическая значимость такого исследования заключается не только в расширении предметного поля описываемого концепта, но также в выяснении качественных различий в определениях образа счастья в связи с культурной принадлежностью. На основе описываемой проблемной ситуации была сформулирована цель настоящего исследования – разработка онтологии предметной области «психология счастья», а также определение образа счастья в российской и американской культурах, выявление инвариантной и вариативной составляющих в структуре образа. Отметим, что в данной работе был применен мультикомпонентный анализ структуры образа счастья, а в качестве предмета исследования выступали вербальные и невербальные характеристики в структуре образа счастья.

Эмпирической предпосылкой настоящего исследования стало предположение Р. Харрисона о том, что представители разных культур в межличностной коммуникации отличаются по частоте использования и степе-

ни выразительности языковых единиц (вербальных и невербальных)¹. В действительности многие авторы (например, Р. Харрисон, М. Аргайл) подчеркивают, что особенности любой национальной культуры содержатся и проявляются через универсальную знаковую систему – язык. В связи с этим различия в репрезентации состояния счастья у представителей российской и американской культур рассматривались на уровне вербального и невербального описания состояния счастья. Также оценивалась взаимосвязь указанных характеристик в устном нарративе о счастье.

Обзор литературы

Проблема счастья и субъективного благополучия довольно часто становилась предметом внимания психологов и философов начиная с античных времен. Направление развития представлений о счастье в психологии соответствует траектории развития философских подходов к пониманию данного феномена. Так, счастье можно рассматривать в контексте объективного подхода, анализируя уровень благополучия, степень реализации личностью своего потенциала (К. Рифф, К. Кейёс) [5]. Субъективистский подход предполагает рассматривать счастье с точки зрения субъективных ощущений (Э. Динер, Д. Майёрс, М. Селигман) [1, 2, 6], а также его смысловой наполненности (Р. Эммонс, Л. Кинг) [7].

Данные исследования отражают две традиции в изучении феноменологии концепта счастья – эвдемонистическую и гедонистическую.

Гедонистический подход, получивший развитие в рамках когнитивной и поведенческой психологии, определяет счастье как получение удовольствия или избегание неудовольствия. Удовольствие в данном контексте – не только физическая характеристика, но также результат достижения чего-либо значимого для субъекта. В рамках гедонистической концепции ключевой является идея о том, что субъективное благополучие и счастье есть результат оценивания людьми их жизни, полученный на основе сопоставления самого себя с другими людьми, собственными идеалами и своим прошлым.

Эвдемонистический подход, разрабатываемый преимущественно в гуманистической психологии, определяет состояние счастье как процесс, отражающий полноту самореализации личности, включенность ее в социальное взаимодействие, развитие собственной индивидуальности. Наличие двух парадигм в понимании феноменологии концепта счастья

¹ Harrison R. P. Beyond words: An introduction to nonverbal communication. Englewood cliffs, NJ. 1974. 474 p.

привело к интеграции основных представленных в них идей. Таким образом, счастье рассматривается как ценность, степень удовлетворенности жизнью (субъективное благополучие) или как аффективное состояние (чувство или эмоция).

Результаты современных зарубежных эмпирических исследований указывают на необходимость учета смысловых и личностных компонентов при изучении феноменологии счастья и невозможность объяснить данное состояние, опираясь исключительно на внешние критерии.

Подход С. Любомирски, К. Шелдона и Д. Шкаде, являющийся на сегодняшний день одним из наиболее распространенных в рамках позитивной психологии, предлагает объединить факторы, влияющие на переживание счастья по «модели пирога» [8]. В данной модели отражены три группы факторов, влияющих на субъективное ощущение счастья. Показано, что критерий внешних условий, характеризующий уровень жизни, объясняет всего лишь 10% вариативности индивидуального уровня счастья. Личностные особенности, в том числе связанные с наследственными факторами, – до 50% вариативности. Остальные 40% приходятся на фактор деятельности человека, в котором объединены особенности отношений с близкими людьми, жизненные цели и включенность в деятельность [8]. Последняя группа факторов является предметом исследования в рамках нашей работы.

О существовании качественных различий в субъективном определении состояния счастья говорится также в работах И. Динера и С. Ойши [9]. Результаты исследований, полученные этими авторами, показывают, что при достижении определенного уровня материальной обеспеченности взаимосвязь между показателями материального достатка и субъективного ощущения счастья оказывается незначимой. Данный подход соотносится с «моделью пирога», подтверждая гипотезу о том, что всего десятая часть дисперсии индивидуального ощущения счастья определяется достатком, более значимыми оказываются личностные и деятельностные компоненты. Как отмечает Д. А. Леонтьев, «начиная с определенного уровня материального благосостояния счастье перестает зависеть от него и начинает определяться другими факторами. Это уже счастье-максимум, индивидуальное, связанное со смыслом, деятельностью и добродетелью; именно его Аристотель называл эвдемонией. Оно уже зависит от самого человека, от его усилий по организации собственной жизни и отношений с другими людьми» [10]. Идея счастья как деятельности ярко представлена в «теории потока» М. Чиксентмихайи, в которой субъективное ощущение счастья определяется самим процессом выполнения чего-либо значимого.

Методологический анализ существующих зарубежных подходов в отечественной психологии представлен в работах Д. А. Леонтьева. Обобщая содержание работ западных коллег, автор, в свою очередь, предлагает разделять две реальности в феноменологии концепта счастье или разграничивать два «вида» счастья. В качестве одной грани данного феномена выступает «счастье дефицитарное», называемое также субъективным благополучием, определяемое «возможностями удовлетворения потребностей и чертами личности, от которых зависит способность полноценно наслаждаться позитивными сторонами жизни» [11]. Вторая грань, или второе состояние, – «бытийное счастье», или «переживание», которое отражает меру реализованности смысла жизни» [10].

Зарубежные эмпирические исследования преимущественно опираются на представление о счастье как о субъективном благополучии и в настоящее время почти не затрагивают вопросов феноменологии рассматриваемого явления. Можно говорить о преобладании социологического подхода, в котором ключевой идеей становится определение детерминант счастья [12].

В отечественной психологии доминирует подход, в рамках которого счастье рассматривается как оптимальное переживание, связанное с ценностными и смысловыми ориентациями. Предметом внимания исследователей становятся представления о счастье в связи с полом и возрастом [13], принадлежностью к культуре [14], региональными и индивидуальными различиями, а также инварианты источников счастья [15]. Есть авторы, которые рассматривают счастье и субъективное благополучие как компоненты психического здоровья личности [16].

Несмотря на особый интерес исследователей, обращенный к изучению концепта счастья, данный феномен не анализировался с позиции его содержательного наполнения в сознании субъекта, а также того, каким образом состояние счастья переживается человеком. Между тем нам представляется интересным вопрос о том, какова структура концепта счастья, какие характеристики являются инвариантными, не зависящими от внешних факторов, а какие – вариативными. Таким образом, целью настоящей работы стало изучение репрезентации состояния счастья как процесса, отражающего особенности переживания состояния счастья, в связи с принадлежностью к культуре, а также в связи с индивидуальными характеристиками:

- индивидуальными (пол, возраст);
- свойствами личности (экстраверсии – интроверсии);
- особенностями профессионального обучения (курс, специальность).

Объектом исследования в настоящей статье является репрезентация состояния счастья; предметом – вербальные и невербальные характеристики в устном нарративе о счастье, данные студентами – представителями российской и американской культур.

Материалы и методы

Исследование осуществлялось в несколько этапов. На первом этапе разрабатывалась онтология предметной области «Психология счастья». На основе работы с литературными источниками на материале словарных дефиниций было определено понятийное ядро концепта «счастье».

Следующим этапом исследования стало изучение вербальной и невербальной репрезентации состояния счастья у представителей различных культур. Эмпирическое исследование проводилось в 2013–2015 гг. В исследовании приняли участие 60 российских студентов Пермского государственного национального исследовательского университета (29 девушек, 31 юноша; средний возраст – 20,3 года) и 44 американских студента Линдонского государственного колледжа (Lyndon State College) и университета Дельта (Delta State University) (16 девушек, 28 юношей; средний возраст – 20,4 года).

Основным методом сбора данных являлось нарративное интервью. С целью получения нарратива о счастье был применен метод ранних воспоминаний личности (метод ретроспективного самоотчета). Респондентам предлагалось вспомнить ситуацию, в которой они чувствовали себя счастливыми, и рассказать об этом. Все рассказы с разрешения участников исследования записывались на видео с целью их дальнейшего анализа. На основании полученных записей были сделаны скрипты интервью, создан мультимодальный корпус устных и невербальных нарративов о счастье.

Вербальные характеристики в устном нарративе о счастье были проанализированы на основе скриптов видеointервью с применением метода контент-анализа. Для обработки невербальных характеристик в устном нарративе о счастье использовался метод анализа жестовых единиц Корнелии Мюллер [17]. Для выявления значимых различий и проведения сравнительного анализа по частоте использования вербальных и невербальных языковых единиц применялся критерий ϕ – углового преобразования Фишера.

Следующим этапом стало определение взаимосвязей между вербальными и невербальными характеристиками в устном нарративе о счастье, а также выделение мультимодальных кластеров в связи с индивидуальными характеристиками: индивидуальными (пол, возраст), свойствами личности

(экстраверсия – интроверсия), особенностями профессионального обучения (курс, специальность). Для изучения свойств личности использовался опросник «Big Five Inventory» (John et al., 2008; John et al., 1991) в русскоязычной адаптации С. А. Щebetенко.

Результаты исследования

Теоретический анализ показал, что центральной категорией в построении онтологии предметной области «Психология счастья» является структурный узел «счастье». Следующий уровень характеризуется понятиями «объект» и «субъект». Объективная составляющая представлена категориями «причины», «источники счастья», «цели», «проявления в деятельности: вербальные, невербальные». Субъективная составляющая включает в себя непосредственные переживания (аффективную составляющую), проявляется в форме рефлексивной оценки (когнитивная составляющая). Переживание состояния счастья происходит на индивидуальном, личностном, социально-психологическом уровнях индивидуальности.

Анализ вербальных и невербальных компонентов репрезентации состояния счастья у российских и американских респондентов позволил выявить инвариантную и вариативную компоненты в структуре образа счастья.

В ходе исследования было обнаружено, что на вербальном уровне в репрезентации состояния счастья как для российских, так и для американских студентов центральной оказалась категория включенности в деятельность. В нарративе российских студентов в большей мере присутствовала ориентация на результат деятельности. Американские студенты больше значения уделяли самому процессу переживания состояния счастья. Это подтверждается тем, что, описывая состояние счастья и связывая его с достижениями в деятельности, американцы говорили об особом эмоциональном состоянии «внутренней гармонии». Данный факт согласуется с положениями работ М. Чикесентмихайи: состояние «потока» (счастья) человек ощущает благодаря успешному выполнению трудных задач деятельности [8].

Акцентирование внимания на достижениях в деятельности, преодолении трудных ситуаций в основном характерно, как показывают результаты исследования, для лиц мужского пола в американской выборке. Девушки в большей мере внимание уделяют отношениям, в том числе с противоположным полом.

Вариативность в вербальной репрезентации состояния счастья проявилась в следующих особенностях. Российские студенты чаще обраща-

лись к таким категориям, как «рождение ребенка» ($\varphi^*_{эмп} = 4,580$; $p \geq 0,01$), «путешествие» ($\varphi^*_{эмп} = 3,271$; $p \geq 0,01$), «занятие любимым делом» ($\varphi^*_{эмп} = 1,800$; $p \geq 0,05$). На основании этого можно предположить, что состояние счастья для российских респондентов обусловлено характеристиками личностного и социально-психологического уровней индивидуальности (семейным благополучием, семейными ценностями).

В вербальной репрезентации американских студентов чаще встречались категории «отношения с противоположным полом» ($\varphi^*_{эмп} = 2,034$; $p \geq 0,01$), «достижения» (в учебе, работе или в иной деятельности) ($\varphi^*_{эмп} = 3,441$; $p \geq 0,01$). Интересным представляется тот факт, что американские респонденты, описывая состояния счастья, отмечали ощущение переполняющего их физического тепла (например, «happiness is warmth» – «счастье – это тепло»; «happiness is something overwhelming» – «счастье – это что-то переполняющее»), что может свидетельствовать о том, что для американцев состояние счастья связано с проявлением индивидуального уровня индивидуальности [18].

Результатом анализа невербальной репрезентации состояния счастья у российских и американских студентов стало определение инвариантной и вариативной составляющих в структуре образа счастья. Была определена группа жестовых единиц, которые проявляются в невербальной репрезентации вне зависимости от культурной принадлежности. В жестовом описании обе группы обращали ладонь тыльной стороной кверху ($\varphi^*_{эмп} = 2,450$; $p \geq 0,05$), кисть была развернута ($\varphi^*_{эмп} = 1,301$; $p \geq 0,05$), пальцы расслаблены. Движение совершалось к центру ($\varphi^*_{эмп} = 0,261$; $p \geq 0,05$) и носило дугообразный, круговой характер ($\varphi^*_{эмп} = 0,803$; $p \geq 0,05$), сами движения были медленными и плавными [19]. Можно предположить, что изучаемое состояние переживается как состояние внутреннего спокойствия, удовлетворенности, отсутствия тревоги. Репрезентируя счастье, человек склонен раскрывать ладони и запястья, транслируя свои чувства.

Вариативные характеристики в невербальной репрезентации состояния счастья у американских студентов проявились в использовании жестов, направленных от тела ($\varphi^*_{эмп} = 4,441$; $p \leq 0,01$), от центра ($\varphi^*_{эмп} = 2,893$; $p \leq 0,01$); ладонь была обращена тыльной стороной вниз ($\varphi^*_{эмп} = 2,438$; $p \leq 0,01$), движения носили прямой характер ($\varphi^*_{эмп} = 2,438$; $p \leq 0,01$). Соотнося жестовые единицы с устным нарративом, можно сделать предположение о том, что данные невербальные особенности способствуют лучшей передаче потокового состояния переживания счастья.

Устный нарратив о счастье у американских учащихся сопровождался жестами, имеющими центральное расположение ($\varphi^*_{эмп} = 2,791$; $p \leq 0,01$).

Большинство жестовых единиц, использованных респондентами, находилось в области груди ($\varphi^*_{эмп} = 4,292$; $p \leq 0,01$). Данная жестикация хорошо соотносится с тем, что американские студенты, описывая причины переживания состояния счастья, указывают на отношения с другими людьми, для них счастье – ощущение тепла, которое исходит от центра тела.

Жестовые особенности, проявившиеся в устном нарративе о счастье у российских респондентов, характеризовались тем, что жесты были направлены к телу ($\varphi^*_{эмп} = 2,148$; $p \leq 0,05$), имели круговое направление ($\varphi^*_{эмп} = 2,64$; $p \leq 0,01$) и располагались на периферии ($\varphi^*_{эмп} = 1,954$; $p \leq 0,05$), рука была напряжена ($\varphi^*_{эмп} = 2,046$; $p \leq 0,05$). Подобная жестикация отражает завершенность и ориентацию на результат, представленные в устной репрезентации состояния счастья.

Еще одна особенность, выявленная в ходе исследования, – использование жестов, относящихся к зоне периферии. В. А. Лабунская отмечает, что в русской культуре принято использование широких жестов, демонстрирующих доброту и открытость. Кроме того, эта особенность определяется различным отношением народов к пространству. В России нет четкого следования делению пространства на интимную, личную, социальную и общественную зоны. Коммуникация может осуществляться на небольших дистанциях, при которых происходит пересечение зон, при этом для самих коммуникаторов это не доставляет дискомфорта. Важно отметить, что данная особенность характеризует не только репрезентацию состояния счастья, но и в целом специфику языка жестов в России [20].

Следующим этапом стало изучение особенностей вербальных и невербальных характеристик в устном нарративе о счастье с опорой на свойства личности. Достоверные корреляционные связи были обнаружены между экстраверсией и следующими категориями вербальной репрезентации: «встреча с родными» ($r = 0,544$, $p < 0,05$); «достижения в деятельности, учебе» ($r = 0,687$, $p < 0,01$); «отношения с противоположным полом» ($r = 0,687$, $p < 0,01$). Очевидно, состояние счастья у экстравертов коррелирует с включенностью в эмоциональные отношения с другими.

Анализ взаимосвязи вербальных и невербальных характеристик с возрастом выявил тенденции к изменению содержательных представлений о счастье на разных этапах онтогенетического развития. Так, обнаружилось, что у студентов начальных курсов ощущения счастья обусловлено отношениями с противоположным полом и личными достижениями. Старшекурсники в вербальном нарративе чаще отмечают категории достижений.

На заключительном этапе был проведен кластерный анализ с целью определения и систематизации кластеров вербальных и невербальных харак-

теристик в устном нарративе о счастье в связи с принадлежностью к определенной культуре, а также индивидуальными характеристиками: индивидуальными, свойствами личности, особенностями профессионального обучения.

На основе полученных результатов было выделено три мультимодальных кластера вербальных и невербальных характеристик в устном нарративе представлений о счастье.

В структуру первого кластера вошли вербальные категории, отражающие значимые события, такие как «свадьба», «рождение ребенка», «отношения с семьей», а также жестовые характеристики «плоская кисть», «кулак», «соединенные пальцы», «соприкасающиеся пальцы». Жестовые движения направлены к телу, располагаются в центре относительно говорящего.

Содержательно интерпретируя полученные по первому кластеру данные, можно сделать вывод о том, что вошедшие в него категории связаны с ценностями семьи и семейным благополучием; видимо, по этой причине высокие корреляции с вербальными категориями получили те жестовые единицы, в которых выражалось стремление к удержанию эмоционального состояния, поддержанию физического тепла, сомкнутые пальцы в жестовых единицах расценивались как показатель близости участников описываемых ситуаций. Сами жесты занимали меньше пространства, носили не такой интенсивный характер, были направлены к центру, к телу говорящего, на основании чего состояние счастья можно выразить через такие метафоры, как «удовлетворение», «поток».

В данный кластер был также включен показатель интроверсии: для интровертов вероятнее всего определение счастья через события, происходящие в их близком окружении, например в семейной системе. Используемые невербальные единицы подчеркивают их личностные свойства.

Структуру второго кластера представляют вербальные категории, преимущественно связанные с достижениями: «праздник», «достижения в учебе», «достижения в деятельности», а также соответствующие им жестовые единицы «развернутая кисть», «кисть развернутая с дугообразными пальцами», «плоская кисть с отстоящим большим пальцем». Сами жесты имеют периферийное положение, направлены к центру жестового пространства. В данный кластер вошло также такое свойство личности, как экстраверсия.

На основании этого было выдвинуто предположение: люди, обладающие экстравертной направленностью, склонны описывать состояние счастья в категориях, связанных с общественно значимыми событиями, результатами которых могут быть достижения, установление контактов с новыми людьми, привлечение внимания. В данном случае счастье определяется через деятельность и активную включенность говорящего в эту

деятельность. На уровне невербальных характеристик данная тенденция подчеркивается применением периферийных жестов, направленных к центру жестового пространства, развернутыми кистями, которые свидетельствуют об открытости говорящего. Также стоит отметить, что количество жестов, предъявляемых за единицу времени, в данном случае было больше, чем в случае описания других событий.

В третий кластер были включены вербальные категории «путешествия», «отношения с противоположным полом», а также их невербальные индикаторы – «расслабленная кисть», «ориентация ладони вниз», «ориентация ладони вверх». Данные категории имеют более широкий социальный контекст, связаны со знакомством с чем-то новым, ориентацией вовне, что проявляется в невербальном описании. Жесты направлены от центра тела; располагаются относительно жестового пространства слева и справа на периферии, имеют дугообразный или круговой характер движения как показатель цикличности процесса взаимодействия.

Выделенные кластеры являются инвариантными мультимодальными объединениями вербальных и невербальных характеристик в устном нарративе представлений о счастье. На основе указанной кластеризации анализировались особенности устного нарратива о счастье в связи с принадлежностью человека к конкретной культуре, а также в связи с его индивидуальными характеристиками.

Различия заключались в том, что для российских студентов более характерным оказался первый кластер, в котором представлены семейные ценности, в то время как для американских студентов – второй, описывающий состояние счастья через процесс и результат достижений.

Было установлено, что критерии, входящие в выделенные три кластера, по мере взросления респондентов изменяются незначительно. Так, у студентов младших курсов вербальная категория «отношения с противоположным полом» входит в первый кластер, который включает категории семейного благополучия и семейных ценностей. У студентов старших курсов данная категория относится к третьему кластеру, что соответствует более четкой дифференциации отношений, которая возникает в более позднем возрастном периоде.

Обсуждение и заключения

Таким образом, в результате проведенного исследования было выделено три мультимодальных кластера, в каждый из которых вошли вербальные и невербальные характеристики репрезентации состояния счастья, а также свойства личности (экстраверсия – интроверсия). Было до-

казано, что данные кластеры являются инвариантными и проявляются в репрезентации состояния счастья вне зависимости от возраста и принадлежности человека к определенной культуре. Вариативность в устном нарративе о счастье выражается в различиях частоты обращения к категориям, представленным в выявленных кластерах, а также в незначительных изменениях в структуре кластеров в связи с возрастом.

Первый кластер, в структуру которого входят вербальные единицы, описывающие ценности семьи и семейного благополучия, а также невербальные единицы, характеризующиеся стремлением к удержанию эмоционального состояния, в большей степени присутствовал в репрезентации состояния счастья российских респондентов.

Американские студенты чаще обращались к категориям, вошедшим в структуру второго кластера. Данный кластер включает в себя вербальные единицы, связанные с достижениями в деятельности, а также невербальные категории – периферийные жесты, направленные к центру.

Третий кластер был в одинаковой степени представлен в описании состояния счастья российскими и американскими респондентами и включал в себя вербальные и невербальные единицы, отражающие взаимодействие с социальным контекстом.

В целом полученные данные свидетельствуют о взаимосвязи вербальных и невербальных компонентов в устном нарративе о счастье, специфике их проявления в связи с индивидуальными характеристиками (полом, возрастом), свойствами личности (экстраверсия – интроверсия), спецификой обучения, а также особенностями культуры.

Материалы публикации могут быть учтены при выборе методов психолого-педагогического сопровождения обучающихся в рамках позитивной психотерапии; при разработке программ тренингов, нацеленных на повышение у студентов университетов и колледжей уровня субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью. Результаты исследования также могут стать основой для практических рекомендаций по повышению эффективности межкультурной коммуникации и безопасности межличностного взаимодействия, а опыт применения методики анализа жестовых единиц может быть использован для создания автоматизированной системы анализа эмоционального состояния личности на основе видеофрагментов.

Список использованных источников

1. Myers D. G. The funds, friends, and faith of happy people // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55. № 1. P. 56–67.

2. Селигман М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни / пер. с англ. Москва: София, 2006. 368 с.
3. Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. Москва: Смысл; Альпина нон-фикшн, 2011. 464 с.
4. Аргайл М. Психология счастья. С.-Петербург: Питер, 2003. 271 с.
5. Ryff C. D., & Keyes C. L. M. The structure of psychological well-being revisited // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. № 69. P. 719–727.
6. Diener E. & Biswas-Diener R. The science of optimal happiness. Boston: Blackwell Publishing, 2008.
7. King L. Are We there yet? What happened on the way to the demise of positive psychology // К. Sheldon, Т. Kashdan, М. Steger (eds). *Designing positive psychology: Taking stock and moving forward*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 439–446.
8. Sheldon K., Lyubomirsky S. How to increase and sustain positive emotion: The effects of expressing gratitude and visualizing best possible selves // *The Journal of Positive Psychology*. № 2. 2007. P. 73–82.
9. Oishi S. & Diener E. Goals, culture, and subjective well-being // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. № 27. P. 1674–1682.
10. Леонтьев Д. А. К антропологии счастья: состояние благополучия и путь радости // *Человек*. 2011. № 5. С. 34–46.
11. Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // *Вопросы психологии*. 2011. № 1. С. 12–41.
12. Ciarrochi J., Parker P., Kashdan T. Hope and emotional well-being: A six-year study to distinguish antecedents, correlates, and consequences // *The Journal of Positive Psychology*. 2015. № 10. P. 520–532.
13. Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. Москва: Институт психологии РАН, 2013. 268 с.
14. Виничук Н. В. Счастье в представлении китайских и российских студентов: сравнительный анализ // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2008. № 4. С. 58–62.
15. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Что надо для счастья: культурные, региональные и индивидуальные различия и инварианты источников счастья // *Вестник КРАНЦ, Гуманитарные науки*. 2006. № 2. С. 3–12.
16. Петров В. Г., Злыгостева К. В. Счастье и психологическое благополучие в структуре ресурсной модели психического здоровья // *Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук*. 2015. № 4 (104). С. 79–83.
17. Muller C. Iconicity and gesture // *Oralite et Gestualite: Communication Multimodale, Interaction*. Paris: L'Harmattan, 1998. P. 321–328.
18. Zhdanova S., Shavkunova A., Mishlanova S., Zhdanova D., Polyakova S. Verbal and Nonverbal Characteristics in the Students' Oral Narrative about Happiness // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015, June. Vol. 6. № 3, Supplement 5. P. 233–239.
19. Жданова С. Ю., Шавкунова А. В. Исследование невербальной репрезентации состояния счастья у представителей различных культур (на примере

российских и американских студентов) // В мире научных открытий. 2015. № 5.3 (65), С. 1109–1118.

20. Лабунская В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов-н/Д: Феникс, 1999. 608 с.

References

1. Myers D. G. The funds, friends, and faith of happy people. *American Psychologist*. 2000; 1 (55): 56–67. (In English)
2. Seligman M. Novaya pozitivnaya psihologiya: Nauchnyj vzglyad na schast'e i smysl zhizni = New positive psychology: A scientific look at happiness and the meaning of life. Translated from English. Moscow: Publishing House Sofiya; 2006. 368 p. (In Russ.)
3. Chiksentmihaji M. Potok: psihologiya optimal'nogo perezhivaniya = Flow: The psychology of optimal experience. Moscow: Publishing House Smysl, Al'pina non-fikshn; 2011. 464 p. (In Russ.)
4. Argajl M., Psihologiya schast'ya = Psychology of happiness. Moscow; St.-Petersburg: Publishing House Argajl, Piter; 2003. 271 p. (In Russ.)
5. Ryff C. D. & Keyes C. L. M. The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995; 69: 719–727. (In English)
6. Diener E. & Biswas-Diener R. The science of optimal happiness. Boston: Blackwell Publishing; 2008. (In English)
7. King L. Are We there yet? In ed. K. Sheldon, T. Kashdan, M. Steger. What happened on the way to the demise of positive psychology. Designing positive psychology: Taking stock and moving forward. Oxford: Oxford University Press; 2011. p. 439–446. (In English)
8. Sheldon K., Lyubomirsky S. How to increase and sustain positive emotion: The effects of expressing gratitude and visualizing best possible selves. *The Journal of Positive Psychology*. 2007; 2: 73–82. (In English)
9. Oishi S. & Diener E. Goals, culture, and subjective well-being. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001; 27: 1674–1682. (In English)
10. Leont'ev D. A. To anthropology of happiness: The state of well-being and the path of joy. *Chelovek = Human*. 2011; 5: 34–46. (In Russ.)
11. Leont'ev D. A. New guidelines for understanding the personality in psychology: From the necessary to the possible. *Voprosy psihologii = Psychology Issues*. 2011; 1: 12–41. (In Russ.)
12. Ciarrochi J., Parker P., Kashdan T. Hope and emotional well-being: A six-year study to distinguish antecedents, correlates, and consequences. *The Journal of Positive Psychology*. 2015; 10: 520–532. (In English)
13. Dzhidar'yan I. A. Psihologiya schast'ya i optimizma = Psychology of happiness and optimism. Moscow: Institut psihologii RAN; 2013. 268 p. (In Russ.)
14. Vinichuk N. V. Happiness in the presentation of Chinese and Russian students: a comparative analysis. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke = Social and Human Sciences in the Far East*. 2008; 4: 58–62. (In Russ.)
15. Leont'ev D. A., Rasskazova E. I. What is necessary for happiness: cultural, regional and individual differences and invariants of happiness sources. *Vest-*

nik KRANC. *Gumanitarnye nauki = Herald KRANC. Humanitarian Sciences*. 2006; 2: 3–12. (In Russ.)

16. Petrov V. G., Zlygosteva K. V. Happiness and psychological well-being in the structure of the resource model of mental health. *Byulleten' Vostochno-Sibirskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii medicinskih nauk = Bulletin of the East Siberian Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences*. 2015; 4 (104): 79–83. (In Russ.)

17. Muller C. Iconicity and gesture. *Oralite et Gestualite: Communication Multimodale*. Interaction. Paris: L'Harmattan; 1998. p. 321–328. (In English)

18. Zhdanova S., Shavkunova A., Mishlanova S., Zhdanova D., Polyakova S. Verbal and non-verbal characteristics in the students' oral narrative about happiness. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015, June; 3 (6), Supplement 5: 233–239. (In English)

19. Zhdanova S. Yu., Shavkunova A. V. Research of non-verbal representation of happiness in representatives of different cultures (by the example of Russian and American students). *V mire nauchnyh otkrytij = In the World of Scientific Discoveries*. 2015; 5.3 (65): 1109–1118. (In Russ.)

20. Labunskaya V. A. *Ekspressiya cheloveka: obshchenie i mezhlchnostnoe poznanie = Expression of man: communication and interpersonal knowledge*. Rostov-on-Don: Publishing House Feniks; 1999. 608 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Жданова Светлана Юрьевна – доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии развития Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь (Россия). E-mail: svetlanaur@gmail.com

Печеркина Анна Викторовна – аспирант, ассистент кафедры психологии развития Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь (Россия). E-mail: pecherkina.a@gmail.com

Строканов Александр Алексеевич – Ph.D, профессор истории, директор Института русского языка, истории и культуры Линдонского государственного колледжа, Линдонвилль (США, штат Вермонт). E-mail: Alexandre.strokanov@lsc.vsc.edu

Статья поступила в редакцию 11.04.2017; принята в печать 16.08.2017.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Svetlana Yu. Zhdanova – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Developmental Psychology, Perm State National Research University, Perm (Russia). E-mail: svetlanaur@gmail.com

Anna V. Pecherkina – Postgraduate Student, Assistant of the Department of Development Psychology, Perm State National Research University, Perm (Russia). E-mail: pecherkina.a@gmail.com

Alexander A. Strokanov – Ph.D, Professor of History, Director of the Institute of Russian Language, History and Culture, Lyndon State College, Lyndonville (USA, Vermont). E-mail: Alexandre.strokanov@lsc.vsc.edu

Received 11.04.2017; accepted for publication 16.08.2017.
The authors have read and approved the final manuscript.